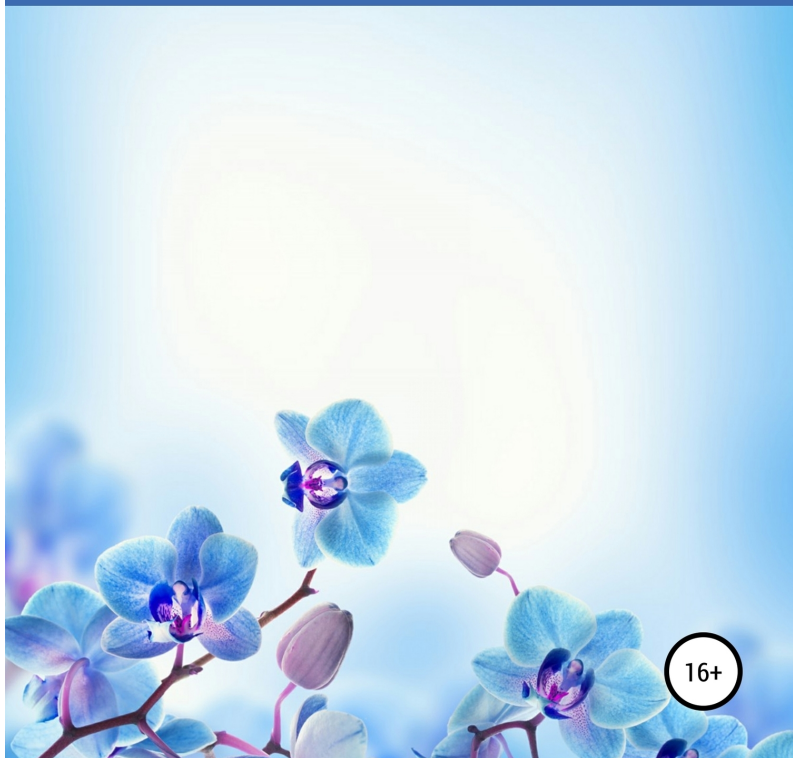

Вадим Сухачевский

Кристалл времени

Повесть

Вадим Вольфович Сухачевский

Кристалл времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42310310

SelfPub; 2019

Аннотация

Военная драма. Повесть о гордом, сильном человеке, перемолотым, как зернышко, угодившее меж жерновов двух непримиримых империй. Дело происходит во время Великой Отечественной войны на оккупированной немцами территории.

Посвящается моему деду Андрею,
моей матери Зое и тетке и Ларисе

Все прибудем по назначению

...как звон разбившейся сосульки (она уже мертва, но звук ее еще живет в воздухе):

– Зоська!.. Вставай! Счастье проспишь!

Иди знай, к какому счастью мы с улиточной скоростью ползли тогда, в июне 41-го... И вообще – кто звал? Кого? Когда? И – было ль. Правда и домыслы о той едва вспоминаемой поре давно уже слились в один неразделимый сплав, имя которому «было – не было», и порой кажется, что скорей уже и не было, чем было.

Нынче мне 90 лет. Почти все люди, родившиеся тогда же, когда я, давно ушли из жизни. Перерисованы географические карты, умерли названия вещей. Скоро, должно быть, и я, как это говорят железнодорожники, прибуду по назначению, ибо здесь я уже поистине инопланетянка. Мое прошлое прячется в такой дали, что, оттуда выкарабкиваясь, немудрено заработать одышку, а проталкиваться надо сквозь сутолоку времен и сутолоку людей; надо ли удивляться, что рядом с 90-летней Зоей Алексеевной Случевской нет-нет да и окажется 13-летняя девчонка, которую звали...

Ну да, может быть, ее когда-то, действительно, звали Зоська...

90... Еще чуток – и на месте сгорбившейся под своей тяжестью девятки появятся два кругленьких нулика, два колечка, не имеющих ни конца, ни начала. Нулижды нуль. Ничего. Я еще не родилась, нет меня. Какая разница – уже нет или еще нет; – оба эти небытия, называемые «меня нет», по сути неразличимы и одинаково близки.

Но вот – уже невесть на котором из нуликов – я сижу в хорошем четырехместном купе поезда (подумать страшно!) 2017-го года, два моих соседа шуршат газетами, полноватый отрок, сидящий напротив, играет с планшетом, я же безмолвно смотрю в окно на пролетающее мимо пространство.

Дорога всегда навевает на меня грусть. Во многом она напоминает жизнь. Мимо пролетают столб, дерево, девочка у железнодорожной станции. Больше их уже никогда не будет на моем пути – этой девочки, этого дерева, этого столба. Было – не было: как упорхнувший день, как прожитый год, как ухнувшееся в колодец детство, – было ль, не было, ищи-свищи...

...Боже, а вот этот мертвый пень, сгнивший, как зуб какого-то сказочного великана, – он точно был!..

Ну да, он самый!..

Пень – а рядом, зарывшись лицом в траву, лежит мужик

в стеганой телогрейке, а из его бритого затылка торчит топор...

А может, это и другой какой-то пень. Но остальное-то – оно ведь было, было!..

И вон тот овраг... А за ним – как в кино, в страшном, черно-белом кино...

У оврага выстроились совершенно голые люди, мужчины, женщины, дети. Двое в телогрейках бьют по этой толпе из ручных пулеметов.

Еще миг – и лишь эти двое с пулеметами остались наверху. Кроме них – никого. Чисто.

Улыбаются...

Словно опять увидев это воочию, я задернула шторку, к чему мой попутчик, читавший газету, отнесся одобрительно: – Верно, бабуля: уже припекает. Эвон как распеклось!

Отрок, посмотрев сперва в планшет, потом на часы, заключил:

– Согласно расписанию, прибудем через два часа восемнадцать минут.

– Знаем их расписание, – пробурчал мужчина с верхней полки. – Небось опоздаем на добрых полчаса.

– Вот не надо, не надо! – отозвался мой сосед. – Все наладилось, не знаете – так и не говорите! Увидите – прибудем по назначению минута в минуту. И не надо мне тут...

– А я что, я ничего, – пошел на попятную тот, верхний, – я – ничего такого...

– Вот и не надо ничего. Нынче все по расписанию. Скоро вещички собирать. Это раньше бывало и на несколько часов задерживались. (Ко мне.) Верно я, бабуля, говорю?

Мой поезд, помню, когда-то задержался почти на неделю... Хотя можно сказать – и на три года: тоже будет правдой.

Кажется, произнесла это вслух (со мной так порой бывает), не зря же мой попутчик, думая, что делает это незаметно, покрутил пальцем у виска.

Впрочем, сейчас мне это было совершенно все равно ибо я в эту минуту снова слышала голос мамы-Ксении, доносившийся из-за моего плеча:

– Зоська, Счастье проспишь! Просыпайся!..

Вагон 1941 года.

Младший политрук Шнырев

Я вскинула голову с ее плеча, ибо все сидели впритык, и лежать было невозможно. В грязном общем вагоне пахло как солдатском цейхгаузе. К тому же поезд в это время в очередной раз стоял на каком-то полустанке, причем стоял он, судя по всему, уже достаточно долго, и свежий воздух не пробивался даже через открытые настежь окна.

– Опять стали часа на два, – сказала мама-Ксения и, выгля-

нув в окно, добавила про себя: – Ох, что делается, что делается! Уже неделю едем, чуть тронемся – и сразу станем. Вон, уже третий пропускаем подряд... Чует мое сердце, затевается что-то.

В этот момент мимо проходил длиннющий состав, на платформах которого под чехлами угадывались силуэты пушек и танков.

Грохот этого состава заглушил не менее раскатистый голос проводницы, могуче, как танк, гремя подносом со стаканами, двигавшейся через проход:

– Чаек, горячий чайк! С сахаром пять копеек, без сахара – три. Кому горяченького?

Напротив меня сидел пассажир, весьма плохо одетый, с лысой головой, похожей на череп (для себя я так и окрестила его – «Черепом»), со впалыми щеками и каким-то неизбывно перепуганным лицом. С появлением проводницы он начал рыться в карманах, извлекая из них медную мелочь, коей у него имелось совсем чуть, и шелестя про себя губами, за которыми не угадывалось зубов (кстати, как вскоре выяснилось, у него и вправду не было ни единого):

– Ох ты Господи! Уже восьмой день колупаемся, на одни чаи сколько извел!.. – Затем обратился к проводнице: – Дочка, милая, а если просто кипяточек, без ничего... можно и без подстаканника, – так это сколько будет?

Я думала, гром-проводница сейчас его отошлет, но на лице ее вдруг промелькнуло сочувствие.

– Ну а без ничего – так ничего и не стоит, – сказала она. – И подстаканники у нас за бесплатно. Принести?

– Принеси, милая, – просительно улыбнулся «Череп», – сильно буду тебе, дочка, благодарный, – на что она тихо отозвалась:

– Что ж я, совсем не понимающая? – И – еще тише: – У самой брательник сидемши.

С этими словами она удалилась и вскоре принесла «Черепу» стакан с кипятком. Тот извлек из-за пазухи небольшой чистенький мешочек с надкусанными сухарями (такие, бывает, дают городским голубям), стал размачивать их в кипятке и растирать беззубыми деснами.

В этот момент, пропустив состав с техникой, наш поезд тоже тронулся, и по вагону прокатился единый выдох: «Слава богу!...», который уже через пару минут опять сменился всеобщим унынием, поскольку поезд опять стал и, похоже, снова надолго. От нечего делать я достала из сумки книгу стихов Гейне на немецком языке, ибо мечтала когда-нибудь поступить на иняз, и, сбиваясь на некоторых словах, стала переводить строку за строкой.

Тут чья-то рука потянула мою книжку. Я повернула голову и увидела молоденького младшего политрука, присевшего на нашу полку. Его босые ноги были обуты в тапочки. От него изрядно пахло спиртным, оттого настроение у него было приподнятое.

– По-немецки читаешь? – спросил он. – Это верно, это

правильно, мне тоже бы надо... Ничего – когда-нибудь. Вот сейчас сборы закончатся – и возьмусь. Нужно дело. Скоро весь мир будет наш, социалистический, человек будущего все языки знать должён. Верно я говорю?

– Верно, – согласилась я.

В этот момент мимо окон снова проходил состав, груженный военной техникой.

– Я что стоим – так это потерпим. Верно?

– Верно.

– Во-во, не такое терпели. Зато врагу будет вон какая мясорубка! – Он указал на проходящий состав. – Видишь, там, под брезентом? Это супер-танк БТ-5, он же «Батя». Не машина – блеск! Скорость под сто, пушка сорок пять миллиметров и пулемет впридачу!

Отчего-то мама-Ксения вдруг выхватила книжку у меня из рук и поспешно спрятала ее в сумку. Причина, видимо, заключалась в том, что мимо нас в этот момент проходили два сержанта с розовыми треугольниками в петлицах. Услыхав политрука, они приостановились.

Тот, явно их не замечая, продолжал громко разглагольствовать:

– ...Вот такой он, «Батя»! Не слабо, скажи?! А гусеницы он может сбрасывать, и тогда, на колесах, моёт хоть до Парижа, хоть до Лондона!..

Он положил руку на мое плечо, что мне не понравилось, и, стряхнув его руку, я возразила:

– До Лондона – «не могёт».

– Потонет. Там по морю надо, там пролив, Ла Манш называется.

– Какая умная! – восхитился политруку. – А про наши плавающие танки не слыхала?

– А ты сам-то не слыхал, что болтун – находка для шпиёна? – лишь тут подал голос один из сержантов. Другой спросил сурово:

– Кто такой?

Политрук вскочил, лицо его покраснелось.

– Младший политрук Шнырев, только что, две недели как, призвали на сборы. До этого работал заведомом в райкоме комсомола в Куйбышевской области. – Весьма натужно попытался смастерить улыбку: – Вот, понимаешь, просвещаю молодое поколение на предмет Мировой революции...

Это панибратское «понимаешь» на сержантов ничуть не подействовало.

– Ты мне зубы не «ля-ля», – сказал один.

– Документы! – гаркнул другой.

Политрук начал суетливо рыться в карманах, документы то и дело падали, он их поднимал; наконец протянул одному из сержантов всю кипу:

– Вот...

Тот рассматривать их не стал, сунул всю кипу к себе в карман, а другой приказал:

– Следуй за нами.

– Куда?.. – растерялся политрук.

Ответ последовал вполне предсказуемый:

– Куда надо.

Было ясно, что после этих слов любые препирательства бессмысленны, но политрук (верно, от подпития) этого еще не понял и вступил-таки в них:

– Но – почему?! Я ж – ничего такого!.. Я член бюро райкома комсомола...

Ясно, не подействовало.

– Вот и следуй за нами, «хрен-бюро», – сказал один сержант, а другой добавил:

– Шнырский ты больно, Шнырев. Ну, давай, чапай, тебе сказано.

Уже все осознав, политрук с безнадежностью в голосе проговорил просительно:

– Подождите! Я – сапоги... – но ответ последовал:

– Ничего, и в тапках дочапаешь. Там переобуют.

– Где?!

Ответ был снова ясен заранее:

– Где надо.

Второй сержант толкнул его в спину:

– Не задерживай, топай. хрен-член.

Все в вагоне притихли. Политрук, подталкиваемый сержантами, двинулся в сторону тамбура. Когда дверь за ними закрылась, по вагону прошелся шепоток:

– Просто выпил парень – и все дела...

– Не, на шпиёна не похож...

– «Не похож»... У их, у шпиёнов, что ли, на лбу это написано?

А «Череп» проговорил чуть слышно:

– Все, спекся парень, – и мне вдруг стало до слез жалко этого не слишком симпатичного мне болтуна-политрука.

Я выглянула в окно. По перрону понуро брел политрук в своих тапочках на босу ногу, за ним с видом преисполненности шествовали сержанты.

Вдруг бедолага Шнырев обо что-то споткнулся, и одна тапка, соскользнув с босой ноги, отлетела куда-то в сторону. Политрук было метнулся за ней, но тут же получил подножку, отчего сразу упал, причем очень неудачно упал, так, что проехался носом по асфальту, а сержанты, подскочив к нему, сходу принялись бить его сапогами по ребрам. Затем подняли, поволокли. Дальнейшего я уже не видела, потому что, наш поезд, пропустив военный состав, уже тронулся и спустя минуту оставил перрон далеко позади. Пассажиры в вагоне вздохнули облегченно.

Вас я тоже никогда больше не увижу на своем пути, младший политрук Шнырев. Были вы, не были?..

Когда перрон скрылся из виду, я спросила маму-Ксению:

– А куда они его?

– Ясно, не на курорт... – вздохнула она. И добавила: –

Ох, кажется, не лучшее время я выбрала, чтобы с Андрюшей наконец повидаться.

Речь шла о ее сводном брате, к которому мы решили отправиться на время моих школьных каникул. Сама я его никогда не видела, поэтому попросила:

– А ты Расскажи о нем.

– Да сама мало знаю о его житье-бытье: война с поляками, еще та, в двадцать первом году, нас разделила. А вот теперь, после воссоединения...

Я спросила:

– Так он что, белополяк?

Мама-Ксения приложила палец к губам:

– Тихо ты!.. – И продолжала, перейдя на шепот: – Не белый он, не красный, не серо-буро-малиновый, он сам по себе. Ветеринар он... Давно б уж, наверно, взяли, да уж больно хороший ветеринар, таких на всю ихнюю область больше нету. В колхозе его даже величают «пан Анджей». Видела его в последний раз только вот таким, еще в начале Империалистической.

Она достала из-за пазухе и показала мне пожелтевшую фотографию. На ней был изображен молодой человек с лихо закрученным чубом, с усами, с насмешливым выражением лица. И еще было в его лице нечто, чего почти не увидишь нынче: чувство какой-то идущей изнутри независимости, но это я уже потом поняла, а сперва поразило другое: одет он был в форму царского офицера, при погонах, с длин-

ной шашкой, висевшей на боку. Совсем уж едва слышно я спросила:

– Так он что, офицер?

– Да какой там! – отмахнулась она. – Просто прослушал когда-то три курса ветеринарной академии, но не доучился – призвали на Империалистическую, ну и дали офицерский чин, правда, самый малый: подпоручик.

– И все же – офицер...

– Ну, считай так. Да только под командой у него были только кони да лошадки. Ветфельдшером конного полка – вот кем он был... А потом, в самом начале войны, его в германский плен взяли, там четыре года и пробыл... Он, кстати, по-немецки выучился говорить, как настоящий немец, – вот с кем тебе по-немецки-то побалакать! Ну да тебе до него покамест – куда?!.. А хочешь, я тебе про этот плен расскажу? Там иногда и веселое тоже было.

После случившегося с политруком Шныревым на душе у меня было тягостно, я с радостью согласилась:

– Расскажи! – и прильнула к ее плечу.

– Ну слушай. Вызывают его однажды к офицеру ихнему, германскому...

Я слушала ее, задремывая, поэтому все представлялось мне, словно я видела это на экране в кинотеатре, при этом машинально переводя на немецкий то, что могла.

Чудесное исцеление господина Ганса

Вот молодого «пана Анджея» двое солдат вводят в кабинет немецкого офицера. Рядом с офицером сидит хорошо одетый толстенький, коротенький господинчик. Анджей, хоть и без ремня, но выправка у него отменная. И то же, что на той фотографии, насмешливое и независимое выражение лица.

– Der Gefangene russe Unterleutnant geliefert , – докладывает один из них.

Офицер знаком удаляет конвой, затем обращается к Анджею:

– Herr Leutnant, könnten Sie uns etwas leisten Dienst? – На что Анджей все с тою же усмешкой отвечает:

– Nur wenn dies nicht im Zusammenhang mit Verrat des Vaterlandes.

Офицер качает головой:

– Oh Nein, brauche Eure Hilfe ganz anderen Teil. – Он указывает на «господинчика»: – Darf ich vorstellen: Herr Golz, Besitzer des Zirkus.

«Господинчик» вскакивает:

– Bitte, Herr Offizier! Für mich ist es nicht einfach Hilfe, für mich ist es eine wahre Erlösung!

На миг я встряхнулась от своего полусна и снова услышала голос мамы-Ксени:

– Там у них вышло такое дело. Приехал в их горд цирк-

шапито, а там, в цирке, главный номер был – с удавом. Да вот беда – удав этот вдруг захворал: лежит скучный, не ест, не пьет, выступать не может. И тут вдруг хозяин цирка узнаёт про пленного русского чудо-ветеринара...

И снова ее голос стал теряться вдали. Впрочем, я и так все видела почти воочию.

Хозяин цирка говорит Анджею с глазами, полными слез:
– Rette Hans, Herr Offizier, Jahrhundert werde für Euch beten!

Анжей – улыбаясь – в ответ (по-русски, ибо не все его слова ложились на мое скудное знание немецкого языка):

– Можете Господа не тревожить понапрасну, это лишнее. Но поскольку ваш Ганс (я так понимаю – тропический удав), несмотря на свое немецкое имя, не является подданным кайзера Вильгельма, то спасти его – моя прямая обязанность... Однако...

– Was?

– Однако работа эта требует достойного вознаграждения. («Belohnung», кажется.)

Хозяин цирка бросается к нему на грудь:

– Oh, natürlich, ja, Herr Offizier!

– И что же с ним было, с этим Гансом? – спросила я.

– Ничего такого уж страшного, – ответила мама-Ксения. – Застряла поперек куриная косточка. Но вообще-то вполне

мог издохнуть, если б не Анджей.

– А как же он его вылечил?

– Да очень просто...

И тут уж мое воображение разгулялось вовсю.

Вот Анджей стоит в небольшой комнатке, облаченный в белый халат. Рядом – хозяин цирка. Смотрит на Анджея с надеждой. Тот приказывает:

– Machen Patienten!

Дверь открывается, и двое цирковых униформистов вносят длинную доску, на которой лежит непомерно длинный удав. Он вытянулся во всю свою длину, вид у него совершенно неживой.

Доску возлагают на стол, и Анджей принимается ощупывать «пациента». Хозяин цирка взирает на это, как на некое священнодействие. Наконец Анджей заключает:

– Alles klar. Wir werden unsere Patienten behandeln.

У хозяина цирка только и достает сил, чтобы выдохнуть:

– О-о-о!!!

Анджей приказывает:

– Geräte!

Еще два униформиста вносят большой поднос, на котором стоят клизмы, от крохотной, до гигантской, наверно, для слона. За ними следует униформист, неся трехлитровую банку с какой-то желтой жидкостью.

Из всех клизм Анджей выбирает среднюю, наполняет ее

раствором и со словами:

– Geduld, mein Freund Hans , – с клизмой в руках склоняется над удавом...

Я расхохоталась:

– И что, вылечил?

– А то как же! – сказала мама-Ксения. – Чтобы мой брат какую живность не вылечил, будь то хоть тварь заморская! Уже на другой день выступал этот самый Ганс в своем цирке, будто и не было с ним ничего.

И снова для меня предстает это в живе. Ах, какие кренделя выкручивает на арене Ганс, я таких и в нашем цирке не видывала.

Хозяин плачет, отирая лицо платком и приговаривая:

– Ach, Hans, mein Junge, mein lieber Hans!.. – Затем поворачивается к Анджею, стоящему рядом, и со словами: – Wenn Sie wissen, Herr Doktor, haben Sie alle unserer Kultur geholfen! , – протягивает ему пачку денег, в ответ на что Анджей с усмешкой говорит:

– Aber Sie, Herr Zirkus mit seinem hoch Hans halfen den Geist der russischen Armee zu erhöhen.

– Армия-то тут при чем? – спросила я маму-Ксению.

– А при том, что уж тем же самым вечером с десятков наших пленных офицеров собралось в лучшем тамошнем ре-

сторане...

Опять я все вижу словно наяву. Стол заставлен всяческой снедью, офицеры без знаков различия сидят за столом, а Анджей встает, подняв рюмку.

– За победу России! – провозглашает он.

– За победу России! – хором отзываются остальные пленные и выпивают до дна.

– А кто оплатил все это пиршество? – присев, спрашивает один из них.

Анджей усмехается:

– Кто? Господин Ганс. Не волнуйтесь, господа, он вовсе не немец. Вообще трудно сказать, к какой расе его следует отнести... Ну, еще раз за победу над немчурой!

По залу прокатывается дружный возглас:

– За победу России! За победу над немчурой!

Анджей поворачивается к музыкантам:

– Эй, нехристи! Spielen, so dass die Kronleuchter schwankte! Herr Hans zahlt für alles! За победу над немчурой!

Громыхает разухабистая музыка считавшейся у нас до крайности неприличной песенки «В Кейптаунском порту с пробоиной в борту “Жанетта” поправляла такелаж» (именно она мне почему-то, – наверно, именно ввиду своей неприличности, – в этот момент и представляется).

Офицеры со словами: «За победу над немчурой», – снова пьют стоя.

– «...Идут, сутулятся,
по темным улицам,
И клещи новые
ласкает бриз.
Они идут туда,
где можно без труда
Найти себе и женщин, и вина...»

– отчего-то на чистом русском выводит певец под гром джазового оркестра.

Меня стал разбирать смех.

– Так и сказал: «За победу над немчурой»?!.. А они, олухи, и не понимают ничего! Ну и дядька у меня, оказывается!.. Надо же додуматься: клизму – удаву! Ничего себе!.. И даже на ресторан хватило!..

Мама-Ксения подтвердила:

– Хватило. Даже на два или на три раза. В общем, хорошо гульнули за счет господина Ганса.

– А как же пленных-то немцы отпускали в ресторан? – удивилась я.

– А вот так вот и отпускали, – сказала мама-Ксения. – Под честное слово русского офицера. Тогда это было вполне нормально.

Я спросила:

– А теперь как?

Мама-Ксения вздохнула:

– Ох, не знаю, не знаю, как оно теперь. Теперь времена злее стали. И люди, и времена. – И вдруг засуетилась: – Ох ты господи! Подъезжаем уже! Вещи собирать надо! Вон за тем же оврагом, помню, наша станция!...

...Что есть время? И кто мы сами, в нем плывущие? Может, и не всегда оно бежит так стремительно, а иногда, тоже, как и я, страдая одышкой, приостанавливается? Что если этот овраг за окном – все тот же самый овраг? А ведь и я могла бы – там же, во рву... Но вот ведь, живу же все еще! Во всяком случае, пребываю в этом застывшем навсегда кристалле времени.

И может, те двое со своими пулеметами тоже застыли в этом остановившемся времени, словно замороженные в него навсегда?..

Ах, право, зря вы все-таки снова раздвинули шторы, мой уважаемый попутчик, любитель точных, незыблемых расписаний!..

...А голос мамы-Ксени все никак не умолкает в ушах::

– Ну да! Вон она! Уже видна!.. Зоська! вон ту сумку же забудем! Хватай!..

Встреча.

О «Мишке Тухачевском» и немного о еврейском вопросе

Своего дядю Анджея, ждавшего нас у здания станции, я узнала сразу, едва мы вышли из вагона. Постарел, конечно, в сравнении с тем молоденьким подпоручиком, которого я видела на фотографии, поседел, полысел отчасти – но непокорство в глазах все то же самое. По ним-то и узнала, по глазам.

Рядом с ним стоял парень лет девятнадцати, весьма на него похожий, только вот глаза совсем другие; такими нынче никого не удивишь. Рубахи на обоих были хоть и местами латанные, но чистенькие. У обоих на ногах – старенькие, но начищенные до зеркального блеска сапоги.

После того, как Анджей и мама-Ксения обнялись, она указала на меня:

– А это дочурка моя, Зоська.

Он потрепал меня по голове:

– Красавица... А это мой отпрыск, Колька, в этот год – в армию... Ну, пошли. Карета, правда, не барская, но уж как-нибудь доберемся. Колька, бери их клумки.

Мы обошли станционное здание и увидели запряженную телегу, в нее-то и забрались. Анджей сел за кучера, и «каре-та» тронулась.

– Через пару часов будем в нашем местечке, – обернувшись, заверил он нас, хотя лошадка его была не больно-то

резвая.

Я шепотом спросила маму-Ксению:

– А «местечко» – это что, хутор такой?

– Да нет, – сказала она. – По-ихнему «место» означает «город», а «местечко», стало быть, «городок».

– Долгонько ж вы, – снова обернулся Анджей. – Мы с Колькой каждый божий день на станцию приезжали, а вас все нет и нет. И никто не знает ничего. – Вздыхнул: – Ох, что-то недоброе творится в воздухе.

Мама-Ксения кивнула:

– И у меня что-то душа не на месте... – Потом, чуть помолчав, спросила: – А старшенький твой, Женя, где?

В глазах у Анджея промелькнуло что-то – не то отблеск солнца, не то слеза. Голос, однако, был спокойный.

– Женька-то? В сырой земле, я так полагаю, – сказал он. – В приговоре написали: «Десять лет без права переписки», но всем ведомо, что это такое... Ну да ладно, про это – потом. А покуда... – Он устремил взгляд на меня: – Ну, что там моя сестренка успела обо мне порассказать? Или так-таки вовсе ничего?

– Да нет, рассказывала, – ответила я. И, не удержавшись, прыснула. – Про удава...

Он тоже улыбнулся (впервые, по-моему):

– А, про Ганса? Хороший был пациент, непривередливый, хоть и артист.

– И еще, – добавила я, – как вы за его счет в немецком

ресторане кричали: «За победу России».

– Тоже было дело, – подтвердил он.

– Зоська все допытывалась, – встряла мама-Ксения, – как это вас, пленных, по ресторанам-то пускали.

Он кивнул:

– Было дело. Под честное слово русского офицера, что в бега не подадимся. И ведь верили!.. До поры до времени, конечно – покуда не утёк-таки один хрен-прапорщик. Тогда – всё! Как отрубило! Больше – никого, никуда. Перестали слову нашему офицерскому верить, обман у них, у немчуры, – грех великий. – Усмехнулся: – такой вот, понимаешь, дочка, гнилой народец... Ох, мы бы все тогда этого хрен-прапорщика!.. Потому как – своей шкурой плати, а не за счет боевых товарищей... Он, правда, не так просто утёк, а (хрен ее!) революцию в России делать...

Тут Николай впервые подал голос:

– Батя... – укоризненно произнес он.

У меня тоже стало как-то колко на душе.

– А чё? – спросил Анджей.

– А ничё! Ты говори, да не заговаривайся. Мне обещали – в комсомол нынешним годом.

– Так то ж – тебе, – снова усмехнулся Анджей, – меня, чай, никто в это ваш комсомол покамест не приглашал, так что рот батьке не затыкай! – И продолжал под угрюмое сопение Николая: – Да, революцию, пропади она!.. И большой, слышал я, шишкой в этой революции заделался – навроде как

фельдмаршалом. Да вы знать должны: Мишка Тухачевский, сукин сын. Красавец эдакий.

Тут мне стало немного легче, потому что я вспомнила, как три года назад мы, по приказу учительницы, замарывали портрет этого самого Тухачевского в учебниках, в главах о Гражданской войне.

– Да, – подтвердила я, – он потом стал маршалом Советского Союза.

Анджей кивнул:

– Говорю ж!.. Куда же еще таким сукиным сынам податься-то?.. Слыхал, много он потом людской кровушки пролил – и в Гражданскую, и в Польскую, и потом в Тамбове да в Кронштадте. Что с ним дальше случилось – не знаю, газет ваших не читал.

Я подсказала:

– Его расстреляли потом.

– Гляди ж ты! – удивился Анджей. – Нет, оно поделом шельме, конечно, – но разве ж там, у вас, за такие дела потом, бывало, и расстреливали?

– Да нет, – сказала мама-Ксения, – его – как германского шпиона.

Анджей опять удивился:

– Шпиона, говоришь?.. С него ж шпион – что с моей коняги арабский скакун.

– Да нет, он сам признался.

– А-а, признался... – с издевкой произнес Анджей. – Ну, с

этим, поди, у вас там было нетрудно... – И заключил: – Ладно, шпион, не шпион – а туда ему и дорога. – Вдруг натянул вожжи и приказал своему «скакуну»: – Тпру!

Тот встал как вкопанный.

В этот момент навстречу нам по проселочной дороге шел человек странного вида – в каком-то, несмотря на жгуче жаркий день, долгополом черном одеянии, в черной шляпе, из-под которой на уши его ниспадали две косички. Поп, не поп – иди пойми.

Поравнявшись с нашей телегой, он тоже приостановился и, кивнув, сказал:

– Мое почтение.

Анджей слез с козел, подошел к нему и вдруг, к моему полному ошеломлению, вдруг отвесил ему такого подзатыльника, что шляпа слетела у того с головы. При этом спросил весьма грозным голосом:

– Что, Лейба, не видишь – пан едет?

– Вижу, пан Анджей, – поднимая шляпу, смиренно ответил тот.

– А коли видишь – чего ж ты, жид, шляпу перед паном не снимаешь?

Тот со шляпой в руках поклонился:

– День добрый, пан Анджей.

– То-то, – буркнул Анджей и, снова забравшись на козлы, изрек в пространство: – А то распустились совсем жида за последнее время.

Телега опять тронулась.

Я тихо спросила Николая:

– Что это он?

Тот, чуть не плача, так же тихо ответил:

– Жидов страсть как не любит. Мне в комсомол скоро, через три месяца испытательный срок заканчивается, а он – со своими жидами! Стыдно перед товарищами; но его ж переубедить!..

– Это уж – да, – подтвердила мама-Ксения.

Я же поняла, что не сразу, ох, не сразу обживусь в этом новом для меня странном мире. Спросила Николая:

– А кто это был?

– Лейба Соломонович, – ответил он, – учитель физики в нашей школе. Между прочим, Львовский университет когда-то закончил с отличием, у него книжек в доме – целая стена, а батя – его...

Тем временем дядя Анджей, не оборачиваясь, разглагольствовал на своих козлах:

– Ох, пораспустился жид за последние два года. Ничего, придет время – поставят их еще на место, помяните мое слово... – Потом обернулся-таки: – Тут еще к одному такому заехать надо. к Моське Лысовику.

– К Лысовику? – спросил Николай.

– К нему, к Моське Лысовику, – вздохнул Анджей. – Вот уж всем жидам жид!..

– «Мане Мося Ленинс копф», – улыбнулся наконец Ни-

колай.

Анджей подтвердил:

– Во-во. Это жинка его, Ривка, целыми днями кудахчет: «Ленинс копф, Ленинс копф». Башка у него, стало быть, как у покойника у этого, у ихнего: у Ульянова-Ленина... А на самом-то деле, если оно по-честному, то этот самый лысый «копф» у него, хоть, может, и побольше Ленинского будет, но пустой, как погреб у нынешнего колхозника. Кабы не я, всю скотину бы в колхозах погубил, ни шиша в крестьянском деле не смыслит... Но теперь его на кривой козе не объедешь, куда там! Теперь он у нас шишка большая – председатель райсовета, эвон! Это тебе не хухры-мухры.

Я спросила:

– А зачем тогда к нему заезжать?

– Небось – тоже дать по загривку, – несмотря на свою угрюмость, не удержался Николай.

Дядя Анджей, однако, отнесся к его словам вполне серьезно.

– Да нет, – не без сожаления сказал он, – по этому «ленинс копфу» въехать сейчас, пожалуй что, уж и не получится. А пойти к нему на поклон надобно для того, чтобы бумаженцию для вас получить: что-де жить у меня временно имеете право. Такие тут порядки, потому как у нас считается «особая зона»... – И вздохнул: – Особая, не особая – а, гляди ж, дожили! Пан Анджей – и к жиду на поклон! Ну времечко!.. Да вон, и приехали уже...

Наша телега в эту минуту впрямь приближалась к добротному двухэтажному зданию с большим бюстом Сталина перед подъездом. Анджей, остановив лошадь, спрыгнул с козел и скомандовал мне и маме-Ксене:

– За мной, девки. Только пачпорта не забудьте. И не встречайте, молчите себе в тряпочку, пока я с этим «копфом» гу-тарить буду.

Мося Лысовик Ленинс копф.

«Ох уж этот Хеербах!»

Дверь в кабинет с надписью «ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РАЙСОВЕТА М. Ш. ЛЫСОВИК. Без стука не входить» дядя Анджей открыл, тем не менее, без стука.

За просторным письменным столом сидел лысоватый человек в жилетке, с галстуков в горошек, с бородкой, чем-то, вправду, похожий на Ленина, только более мордатый. В тот момент, как мы вошли в кабинет, он что-то изучал на большом глобусе, расположенном на столе. На нас он поднял глаза лишь минуты через две, после того, как, видимо, закончил какой-то этап своего мирозерцания, и тогда лишь с недовольным видом спросил Анджея:

– А стучаться не учили? – на что получил ответ:

– А учить кто будет? Ты, Моська, что ли?

Тот с достоинством отвечал:

– Для кого Моська, а для кого Моисей Шлёмович... А что

шляпу перед тобой, пан Анджей, не снимаю – так это (уж прости) за неимением.

Дядя Анджей усмехнулся:

– Да твой копф прикрыть – и двух ленинских кепок, поди, не хватит. Удивляюсь я, ей-богу: с таким копфом – и в такой глуши.

Вид у хозяина кабинета стал более миролюбивым.

– Да вот, – сказал он, – как раз зовут на повышение. – И вздохнул: – Однако сперва парткурсы надо закончить. Маркс, Энгельс, Людвиг Фейербах и прочая премудрость, без того, сам понимаешь, сейчас нельзя. (На нас с мамой-Ксеньей, присевших на стулья в глубине кабинета, он при этом не обращал никакого внимания.)

– Гляди-ка ты! – издевательски восхитился дядя Анджей. – Выходит, без Хеербаха вашего нынче и козу не выпасешь! (При этом я душой чувствовала, что имя Людвига Фейербаха ему вполне знакомо и обидно переименовал он ее снова же лишь так, для издевки.)

– Как был ты контрой белогвардейской, – вздохнул председатель, – так и остался, пан подпоручик... Да если б не я – шлепнули б тебя еще в тридцать девятом годе как белополяцкую сволочь.

– Точно, шлепнули бы, – согласился дядя Анджей. – Ну а за мной следом – и тебя завместе с твоим Хеербахом сраным.

Лысовик строго погрозил ему своим коротеньким пальчиком:

– Ну-ну!

Дядя Анджей, однако, уже вошел в раж, теперь его было не остановить.

– Не нукай – не лошадь, – сказал он. – Когда у тебя в колхозе «Заря коммунизма» все свиньи чуть не передохли, – кто их тогда спас от этой чумки? А за недосдачу мяса государству – куда бы ты пошел? Ежели твой Хеербах покойник уже – вот с ним бы на том свете тогда и встретился. Что, неправду говорю?

При этих его словах председатель с весьма грозным видом начал подниматься из-за стола. Однако тут же опустился на место, поскольку дверь открылась и в кабинет вошла дама с головой в черных завитушках, с сумочкой в руках.

– Ривочка, ты чего? – заулыбался Мося Лысовик. – Видишь – работаю.

Она подошла к его столу, чмокнула Мосю в лысину и сказала нежно:

– Майне Ленинс копф. Совсем заработался. А я вот курочку тебе принесла. – С этими словами она достала из сумочки и положила на стол промасленный сверток. – Кушай. Как-никак, шабес сегодня.

Выражение лица у председателя сменилось с благодного на сердитое.

– Ты, Ривка, свои иудейские штучки брось! – воскликнул он. – Какой еще тебе шабес?! Я коммунист, а нынче обычная советская трудовая суббота! (Сверток, однако, по-неза-

метному в стол спрятал.)

– Всё, всё, ухожу! – Она еще раз влюбленно посмотрела на него двинулась к выходу.

– Трудовая-то она – трудовая, – произнес он ей вслед, – но по советскому закону – сокращенная. Так что часикам к шести буду.

– Буду ждать, Мосик. – С этими словами она закрыла за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.